

Лависс Эрнест

**История французской революции 1789-1799
ГГ**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Э81

Э81 **Эрнест Л.**
История французской революции 1789-1799 гг / Лависс Эрнест – М.: Книга по Требованию, 2024. – 356 с.

ISBN 978-5-519-92167-1

ISBN 978-5-519-92167-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА I.

ФРАНЦІЯ ВЪ 1789 Г. СОЗЫВЪ ГЕНЕРАЛЬНЫХЪ ШТАТОВЪ. — НАКАЗЫ.

I. Франція въ 1789 г.

Политическая разрозненность королевства. Передъ великой революціей Франція представляла изъ себя, по выраженію Мирабо, пестрый агрегатъ отдѣльныхъ «націй»:—наряду съ «бретонской націей» существовала особая бретонская конституція, опираясь на которую, мѣстное дворянство протестовало противъ королевскаго регламента 16 марта 1789 года; Мирабо обращался къ «провансальской націи»; руанское дворянство ссылалось на неотъемлемыя права нормандскаго герцогства; Лотарингія старалась извлечь пользу изъ своего исключительнаго положенія «чужеземной провинціи»; Беарнъ, владѣніе совершенно обособленное, видѣлъ во французскихъ короляхъ блюстителей неприкосновенныхъ прерогативъ «беарнской націи». Дофинэ напоминалъ, что онъ былъ уступленъ на томъ непрѣмѣнномъ условіи, что онъ не сольется въ одно цѣлое съ остальнымъ королевствомъ, что онъ «будетъ въ предѣлахъ королевства, но не частью его». Духовенство и дворянство Дижона стояли за право каждой провинціи сохранить свои особые законы, обычаи и суды и защищало ту мысль, что даже постановленіе генеральныхъ штатовъ не можетъ чего-либо навязать Бургундіи. Франшъ-Конте отказывалась признать эдиктъ Людовика XVI, изданный въ пользу протестантовъ, указывая на капитуляціонный договоръ, заключенный въ XVII вѣкѣ. Жители Артуа требовали, чтобъ никто, кромѣ уроженцевъ графства не вмѣшивался въ дѣла ихъ управ-

ленія: священники должны быть изъ числа мѣстныхъ обывателей. Булонцы протестовали противъ провинціальныхъ штатовъ Артуа, настаивали на сохраненіи «особенностей въ государственномъ устройствѣ различныхъ земель монархіи» и даже утверждали, что въ строгомъ соблюденіи этого принципа заинтересовано Его Королевское Величество. Въ Перпиньянѣ ссылались на перронскій трактатъ и доказывали, что всѣ церковныя, военныя и судебныя должности должны быть достояніемъ только мѣстныхъ уроженцевъ, что Руссильонъ долженъ существовать для однихъ руссильонцевъ. «Независимое королевство» Наварра не хотѣло придавать никакого значенія эдикту 1620 года, по которому оно было присоединено къ Франціи, требовало возстановленія своего права чеканить монету и ставило на видъ королю, что онъ обязанъ «въ предѣлахъ этого самостоятельнаго государства распределять всѣ помѣстья, привилегіи и почетныя званія исключительно между подданными этого государства»; что-же касается должностей, то не болѣе пяти изъ нихъ могутъ быть заняты иностранцами; всѣ остальные должны быть удѣломъ природныхъ наваррцевъ.

Чтобы предотвратить опасность, угрожавшую Франціи гибелью, каркассонское дворянство взывало къ энергіи, которая должна явиться отъ слиянія отдѣльныхъ провинцій въ тотъ славный день, когда королевство перестанетъ быть простымъ «сочетаніемъ разнородныхъ частей». Третье со-

словіе Туля высказывало пожеланіе, чтобы всѣ подданные короля, ставшіе французами вслѣдствіе преданности одному и тому-же государю, сдѣлались ими и по однообразію управленія. Третье сословіе Сентъ-Пьеръ ле-Мутъ протестовало противъ раздробленности королевства на «множество самостоятельныхъ государствъ». Но можно ли было серьезно говорить о національномъ объединеніи? Незадолго передъ тѣмъ Мирабо писалъ, что французы, по всей вѣроятности, никогда не будутъ подчиняться однимъ и тѣмъ-же законамъ. Одинъ изъ будущихъ редакторовъ гражданского уложенія (Code civil), Порталисъ, говорилъ, что объ этомъ нечего и думать. Человѣкъ, которому впоследствии выпала честь внести въ конституцію 1791 года великій принципъ: «королевство едино и нераздѣльно»,—мы говоримъ про Рабо Сентъ-Этьенна,—въ то время задавался вопросомъ, «мыслимо-ли объединеніе всѣхъ провинцій въ одно цѣлое подъ господствомъ однихъ и тѣхъ-же законовъ и административныхъ началъ», не простая ли это химера пылкаго воображенія? Духъ партикуляризма, господствовавшій въ провинціяхъ, казалось ему, исключалъ возможность чего-либо подобнаго.

Не только королевство, но даже отдѣльныя провинціи далеко не представляли изъ себя сплоченныхъ цѣлыхъ и законченныхъ величинъ. Можно очень сомнѣваться, чтобы нѣкоторыя провинціи когда-либо были чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ голыхъ топографическихъ терминовъ, и одушевлялись сознаніемъ своего единства. Въ 1789 году даже тѣ области, которыя нѣкогда дѣйствительно сплавляли населеніе, давнымъ давно утратили духъ общности, обезсилѣли и раздробились на жалкіе обломки подъ разрушительнымъ вліяніемъ, съ одной стороны, централизаціи королей, съ другой—внутреннихъ распрей.

Французскіе короли вполне заслужили упрекъ, который такъ часто дѣлали учредительному собранію: ихъ административныя дѣленія не соответствовали ни мѣстнымъ интересамъ, ни естественнымъ границамъ, ни установившимся традиціямъ, ни самосознанію населенія. Туре могъ съ полнымъ правомъ сказать конституантъ: «дѣленіе провинцій на нѣсколько департаментовъ дробить ее не болѣе, чѣмъ прежнія епархіи (діоцезы), административныя, судебныя и друг. округа (женералитэ, бальяжи и т. д.).

Приведу въ примѣръ Нормандію. Она издавна управлялась нѣсколькими, независимыми другъ отъ друга администраторами, была раздѣлена на три женералитэ, каждая изъ которыхъ имѣла особаго «интенданта», и представляла три округа провинціальныхъ собраній».—При этомъ, корона не вездѣ играла одинаковую роль: въ Нормандіи съ 1654 года, она ставила множество препятствій созыву штатовъ; въ Лангедокѣ, до того извращала ихъ характеръ, что они становились непопулярными и даже вызывали къ себѣ всеобщую ненависть.

Въ числѣ провинцій не было уже ни одной, которая зависѣла бы отъ департамента иностранныхъ дѣлъ; всѣ онѣ дѣлились очень странно между двумя департаментами: королевскаго дома и государственнаго секретаря по военнымъ дѣламъ.

Въ департаментѣ королевскаго дома одно и то-же бюро нерѣдко имѣло отношеніе къ областямъ съ различнымъ внутреннимъ устройствомъ,—пользовавшимся и не пользовавшимся самоуправленіемъ; съ другой стороны одна и та-же провинція была зачастую раздѣлена между различными правительственными установленіями. Повидимому, въ основѣ дѣленія лежало время и условія, на которыхъ состоялось присоединеніе данной области къ королевству, а также другія чисто случайныя обстоятельства. Эту путаницу легко было устранить и, если она тѣмъ не менѣе существовала, то только вслѣдствіе полнѣйшаго безсилія и инертности правительства, неспособнаго выбиться изъ царившей рутины и предпринять сколько-нибудь серьезныя реформы.

Дѣленіе на сорокъ военныхъ округовъ было самымъ безцѣльнымъ изъ всѣхъ, служило лишь поводомъ для полученія «почетныхъ званій и крупныхъ окладовъ»; оно очень напоминаетъ классическое дѣленіе, за которое такъ упорно держатся въ наше время. Впрочемъ между ними есть нѣсколько существенныхъ пунктовъ различія: Парижъ (городъ, превоство и виконтство) и Иль-де-Франсъ составляли не одинъ, а два округа: первый находился въ 1789 году въ управленіи герцога де-Бриссакъ, второй—герцога де-Жеврѣ. Въ Гаврѣ, представлявшемъ военную единицу, выдѣленную изъ Нормандіи, начальникомъ былъ графъ де-Бюзансъ. Не говоря уже о томъ, что Труаз'Эвешэ (такъ назывались

три Лотарингскихъ епископства — Мецъ, Туль и Верденъ) и Лотарингія (графъ де-Контадъ) находились въ вѣдѣніи не одного и того-же управленія, самыя Труазъ-Эвешэ были раздѣлены пополамъ: управленіе Меца было ввѣрено де-Брогли а Туля — герцогу дю-Шателэ. — Булоннэ, Седанъ и Сомиюръ были самостоятельными крутами.

Остальныя административныя дѣленія были не менѣе искусственны. Значительная часть жителей Лангедока вотировала въ мѣстностяхъ, строй жизни и интересы которыхъ прямо противорѣчили ихъ собственнымъ нуждамъ. И безъ того раздробленный Ангулемъ раздѣлялся на три генералитэ; онъ ходатайствовалъ объ объединеніи въ одно цѣлое или, по крайней мѣрѣ, объ отдѣленіи отъ Лимузена и присоединеніи къ Сентонжу. Анжу просилъ объ административномъ отдѣленіи отъ Турэни, находя, что такое соединеніе имѣетъ для него крайне невыгодныя послѣдствія. Мэнъ также страдалъ отъ раздробленности. Повтѣ желалъ возстановленія своихъ штатовъ; причисленное къ нему графство Е (Eu) стремилось снова войти въ составъ Нормандіи. Бри хотѣла имѣть въ Мо свои собственные штаты, независимые отъ Иль-де-Франса и Шампани. Першъ стремился слиться въ одну провинцію съ Тимерэ и имѣть штаты въ Белэмо. Форепъ, соединенный съ Ліономъ, и Перигоръ, составлявшій съ Бордо одно цѣлое, жаждали независимости. Жексъ тяготился своею связью съ Брессъ. Маршъ настаивала на необходимости отдѣленія отъ Бурбоннэ. Вандейскій Бокажъ, «край съ одинаковыми обычаями, нравами и промыслами, съ однообразной почвой», былъ — по никому не понятнымъ причинамъ — раздѣленъ на три части и подчиненъ тремъ различнымъ управленіямъ. Съ подобными же требованіями приходится встрѣчаться даже тамъ, гдѣ всего менѣе ихъ ожидается; такъ, о независимости мечтаетъ даже графство Маконъ; «если ужъ на то пошло, оно согласно на проэкты относительно бургундскихъ штатовъ, но прежде всего должны быть признаны и сохранены во всей своей полнотѣ и неприкосновенности права и привилегіи Маконнэ». Считая себя почему-то «со-государствомъ» (т. е. самостоятельнымъ политическимъ цѣлымъ), Марсель добивается особыхъ провинціальныя штатовъ вмѣсто участія въ представительствѣ Прованса. Даже ничтожные клочки территоріи,

самыя имена которыхъ забыты въ наше время, стремились къ автономіи. Въ Маршахъ, расположенныхъ между Бретанью и Пуату, только и толку было, что о конституціи для этой провинціи. Лудюнуа, въ которомъ дѣйствовала особая кутюма, считалъ себя вправѣ имѣть отдѣльные штаты. Кюзеранъ и Комминъ предлагали возстановить существовавшіе у нихъ штаты. Городъ Молеонъ утверждалъ, будто, платя иныя подати, чѣмъ вся остальная Суль, онъ имѣетъ право и на иное управленіе; окрестные жители говорили тоже самое: «Молеонъ намъ такъ-же чуждъ, какъ если-бы онъ былъ въ Турціи»

Нѣкоторыя мѣстности были въ совершенно исключительномъ положеніи: сельское общество Раркуръ, земли котораго лежали между Лотарингіей, графствомъ Баръ и Шампанью, было освобождено отъ податей съ тѣмъ, чтобы каждый домохозяинъ ежегодно уплачивалъ по два су и шести денье королю, принцу Конде и австрійскому дому.

Авиньонъ, графство Венэссенъ, Мюльгаузенъ и Монбельяръ не принадлежали Франціи. Епархіи С. Клодъ, Мецъ, Туль, Верденъ, Сень-Діэ, Нанси, Перпиньянъ, Оранжъ, Авиньонъ, Карпантра, Ковальонъ, Вэзонъ, Безансонъ, Беллэ, Камбрэ, Аррасъ, С. Омеръ, Страсбургъ не признавались «принадлежащими къ французской церкви» и не принимали никакого участія въ дѣлахъ духовнаго управленія. 129 епархій, зависѣвшихъ отъ 18 архіепископствъ, находившихся въ самой Франціи, неохватывали всего королевства; 19 епархій или ихъ частей были подчинены иноземнымъ архіепископамъ.

Королевская власть. Несмотря на пеструю систему такихъ дѣленій и подраздѣлений, различныя провинціи не были и не хотѣли быть чужими другъ для друга. Духъ партикуляризма мѣшалъ народному объединенію, но не исключалъ его возможности. Вопреки сознанію нѣкоторыхъ чисто-мѣстныхъ интересовъ, обособившихъ отдѣльныя части Франціи, онѣ чувствовали взаимное тяготѣніе и считали себя членами одной и той-же семьи. Прошлое королевства было такъ славно, оно занимало столь блистательное положеніе среди другихъ народовъ Европы, оказывало на нихъ такое сильное вліяніе, что естественно было гордиться принадлежностью къ

числу его подданныхъ; такъ какъ король олицетворялъ въ себѣ государство и своею властью вносилъ единство во внутренній строй самостоятельныхъ областей, а французскій народъ, какъ единое цѣлое, существовалъ, казалось, только благодаря ему, то Франція даже послѣ невагодъ и позора, постигшихъ ее въ XVIII вѣкѣ, по прежнему относилась къ государю съ религиознымъ благоговѣніемъ и не находила въ себѣ достаточныхъ силъ противостать его, ничѣмъ не сдерживаемому, произволу.

Людовикъ XVI любилъ говорить языкомъ неограниченнаго властелина, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ являя, подобно Людовику XIV, — что никто и ничто не умалить его священныхъ правъ, унаслѣдованныхъ отъ предковъ, — что самодержецъ отдаетъ отчетъ только Богу. — «Зачѣмъ, писало ему дворянство, приносить жалобы на безчисленные нарушенія нашихъ вольностей, совершаемыя отъ имени Вашего Величества? Никогда такъ часто не злоупотребляли ссылкой и тюрьмой, которая сплошь и рядомъ служить единственнымъ отвѣтомъ на самые законные протесты. Никогда не были въ такомъ ходу *lettres de cachet* (тайные приказы объ арестѣ), какъ за послѣднее время. Никто, начиная съ низшихъ и кончая высшими, не можетъ считать себя обезпеченнымъ отъ подобнаго посягательства».

О положеніи печати можно судить по списку королевскихъ цензоровъ, напечатанному въ *Королевскомъ альманахѣ за 1789 годъ*: ихъ насчитывалось тридцать три по юриспруденціи, двадцать одинъ по медицинѣ, пятеро по анатоміи, восемь — по естественной исторіи и химіи, девять — по математикѣ и физикѣ, двадцать четыре, изъ нихъ 21 аббатъ, — по изящной словесности и исторіи. Хотя правительство и предлагало публицистамъ свободно высказывать свои взгляды на текущіе вопросы, однако до самаго мая этого года они подвергались совершенно невѣроятнымъ преслѣдованіямъ. Адресъ, поданный королю сословіемъ адвокатовъ Ренна 6-го февраля, подписанный видными гражданами и одобренный цѣлымъ сословіемъ, былъ сожженъ по указу парижскаго парламента. Журналъ Мирабо «Генеральные штаты» былъ запрещенъ 7-го мая за «дерзкій» тонъ и «непристойное» направленіе (въ дѣйствительности не было и слѣда чего-

либо подобнаго). Та-же участь постигла «Французскаго патріота» Бриссо.

Письма, посланные, напр., изъ Немура въ Фонтенебло или изъ Жіена въ Орлеанъ, шли черезъ Парижъ для просмотра въ специальной комиссіи. Благодаря этому, разстояніе въ какихъ-нибудь 4 лье (15—16 верстъ) требовало 2—3 дней пути. Правительство, нисколько не стѣсняясь, нарушало не только естественныя права населенія, но и тѣ, которыя были приобретены имъ за денежное вознагражденіе и потому должны были считаться неприкосновенными. Такъ, города, многократно и дорогою цѣной выкупавшіе себѣ право на самоуправленіе, зачастую были лишаемы этой привилегіи; всѣ старанія возстановить ее оказывались тщетными. Даже высшіе сановники не были гарантированы отъ того, что они впадутъ въ немилость и ихъ смѣстятъ безъ всякаго повода, какъ это случилось съ Морстономъ-Шабрильяномъ. Малуэ, котораго никто не заподозритъ въ недоброжелательствѣ къ старой монархіи, говорилъ: «страна изнываетъ подъ бременемъ произвола; личные свойства короля не могутъ смягчить тираническаго характера его власти. На каждомъ шагу мы встрѣчаемъ ужасныя послѣдствія опьяненія насиліемъ и самонадѣянности невѣжества». Матье де-Монморанси высказывается еще рѣзче: «старые порядки продолжали царить съ прежней силой: за нихъ были и власть, и общественное мнѣніе! Они были неразрывно связаны съ самымъ образомъ правленія».

Ничѣмъ не ограниченный монархъ далеко не былъ всемогущимъ. Недостатки въ организациі и отсутствіе національнаго единства ставили всякому его начинанію цѣлый рядъ непреодолимыхъ препятствій. «Проекты, составленные выдающимися государственными дѣятелями въ интересахъ общаго блага, не осуществлялись вслѣдствіе невозможности согласовать между собою множество противорѣчивыхъ обычаевъ и привилегій, мѣстныхъ требованій и нуждъ» (Калоннѣ). Во всѣхъ шести министерствахъ «не было ни одного бюро (отдѣленія), которое бы не дѣйствовало такъ, какъ будто оно вело войну со всѣми остальными, и не старалось захватить ихъ власть или урвать часть ихъ доходовъ въ пользу своего департамента. Парламенты тягались съ министрами изъ за своихъ правъ, причемъ

обѣ стороны не могли опредѣлить ихъ вполнѣ точно» (Неккеръ). Мунье показаль, почему «противодѣйствіе парламентовъ оказывалось непреодолимымъ, когда они хотѣли затормазить проведеніе того или другого благотворнаго закона. Упорствуя противъ указовъ короля, они разсчитывали на сочувствіе общества

Министры такъ опрометчиво пользовались авторитетомъ государя, что всѣ хватались за это послѣднее средство, не думая о его темныхъ сторонахъ Всѣ признавали, что королевская власть основывается на Божьей милости, что государь—источникъ всяческой власти; однако, несмотря на всю безграничность его могущественнаго вліянія на войско, безконтрольнаго распоряженія доходами и законодательнаго значенія, котораго ему не приходилось дѣлать ни съ кѣмъ другимъ, онъ зачастую былъ вынуждаемъ поступаться своей властью

Безсильное осуществлять свои благія стремленія, правительство могло только вредить. Внушаемое имъ недовѣріе дѣлало невозможными даже его лучшіе и общепользные проекты».

Эта оппозиція вывела-было Людовика XVI изъ его обычной апатіи. Неудачная «революція» Ломени де-Бриенна больше испортила ему крови, чѣмъ отставка Тюрго. Возвращаясь къ политикѣ Капетинговъ, которая прославила и упрочила ихъ значеніе, онъ, повидимому, рѣшилъ опереться на третье сословіе, чтобы поддержать свой колеблющійся авторитетъ *). Правительство охотно распространяло «сочиненія съ самыми преувеличенными обвиненіями противъ дворянства». Маллэ дю-Панъ утверждалъ, что оно натравливаетъ народъ на аристократію. Ходили слухи, что Ламуанъ-онъ въ іюлѣ 1788 г. сказалъ настоятелю парижскаго кафедральнаго собора и еще одному аббату: «парламенты, дворянство и духовенство идутъ противъ короля; не пройдетъ и двухъ лѣтъ, какъ не останется и слѣда отъ парламентовъ, дворянства и духовенства». Въ первые мѣсяцы 1789 года ничто не предвѣщало, что въ іюнѣ Людо-

викъ XVI возьметъ на себя защиту узкихъ феодальныхъ интересовъ противъ требованій цѣлой націи.

Три сословія. Сійесъ насчитываль во Франціи 80.000 представителей духовенства и 110.000 дворянъ. Таржэ принимаетъ цифру, вѣятеро большую: 400.000 однихъ и 500.000 другихъ. По вычисленіямъ-же Лавуазье, ихъ было на четверть меньше, чѣмъ у Сійеса. По его мнѣнію, дворянъ было всего на всего 80.000. Рабо Сентъ-Этьеннъ допускаль, что число духовныхъ доходить до 200.000, а Мунье полагаль, что общая численность обоихъ привилегированныхъ классовъ равняется 500.000—600.000 *). Слѣдуетъ признать, что всѣ эти гипотезы были одинаково бездоказательны. Сійесъ говорилъ, что онъ знаетъ численное отношеніе классовъ «не лучше другихъ», но подобно остальнымъ позволяетъ себѣ высказать болѣе или менѣе правдоподобное предположеніе по этому вопросу.

Такія-же разногласія возникали всякій разъ, когда говорили объ общей численности всего населенія королевства. Одни опредѣляли ее въ 23 милліона, другіе—въ 25 и даже—въ 28. То-же самое мы видимъ и въ отдѣльныхъ провинціяхъ. Такъ напр., въ одной изъ наилучше отмежеванныхъ, я говорю про Провансъ, нѣкоторые насчитывали 860.000 душъ обоого пола, а другіе лишь 700.000. Въ сенешальствѣ Абевиля, по мнѣнію интенданта, было только 90.000 жителей; въ докладѣ-же, подписанномъ 42 дворянами, говорилось, что цифра его населенія доходить до 170.000.

Изъ всѣхъ этихъ противорѣчивыхъ показаній можно вывести только одно заключеніе, а именно, что привилегированные классы составляли лишь крайне незначительную частицу націи, всего какихъ-нибудь 2"/₁₀, по наиболѣе достовѣрнымъ источникамъ.

Въ Версали имѣли полное основаніе думать, что послѣ такихъ сопоставленій третье сословіе менѣе, чѣмъ когда-нибудь, склонно идти рука объ руку съ дворянствомъ и духовенствомъ, что подобныя исчисленія только разожгутъ страсти и приведутъ къ

*) Майскіе эдикты 1788 года встрѣтили сочувствіе со стороны литераторовъ и финансистовъ. Нѣкоторые протоколы, составленные при выборахъ въ генеральныя штаты, а также указы свидѣлствуютъ о томъ, какъ жалѣло третье сословіе о неудачѣ этой правительственной попытки.

*) Шестое бюро собранія нотаблей въ концѣ 1788 года утверждало, что все третье сословіе въ десять разъ многочисленнѣе первыхъ двухъ, взятыхъ вмѣстѣ.

взаимному столкновению, чего только и желало правительство. Старинная рознь изъ-за особой *подымной подати* (fouages), взимаемой съ части крестьянскихъ дворовъ въ Бретани, незадолго передъ тѣмъ перешла въ открытую борьбу между дворянствомъ и буржуазіей этой провинціи. Требования третьяго сословія, которыя были поддержаны бывшимъ интендантомъ Бертраномъ де-Молевиллемъ, казалось, угрожали самой бретонской конституціи. На улицахъ города Ренна произошла кровопролитная схватка; князю де-Тиару съ трудомъ удалось предупредить еще болѣе серьезное столкновение между 1.200 дворянами, запертыми въ монастырѣ кордельеровъ, и городской молодежью, къ которой примкнули анжерцы.

Вражда сословій усложнялась внутренними раздорами: низшее духовенство готово было возмутиться противъ высшаго; наряду съ родовитымъ существовало дворянство очень недавняго происхожденія. Первое, составлявшее сравнительно небольшую горсть, очень недружелюбно смотрѣло на возведеніе въ дворянское достоинство лицъ низшаго сословія, въ особенности-же на пріобрѣтеніе его путемъ покупки должностей, нерѣдко всего лишь за какихъ-нибудь двѣ тысячи экю. Придворная знать, запасаяся грамотами, пользовалась особыми милостями и имѣла доступъ ко всѣмъ высшимъ должностямъ, тогда какъ провинціальное дворянство, не внесенное въ книги королевскаго генеалога, «несмотря на одинаковость происхожденія, въ силу возмутительнѣйшаго предразсудка, терпѣло протѣсненія отъ своихъ собратьевъ, заграждавшихъ ему путь къ отличіямъ и наградамъ». Помѣстные дворяне, какъ въ первыя времена монархіи, не хотѣли знать никакихъ другихъ и относили вновь возведенныхъ въ дворянство — къ «коммунамъ» буржуа. Даже среди дворянъ новаго типа не было единства: они дѣлились на потомственныхъ и личныхъ.

Высшая буржуазія враждовала съ остальными горожанами и крестьянствомъ. Во время волненій въ городѣ Реннѣ низшіе классы поднялись, и дѣло кончилось схваткой со студентами.

Въ то время, какъ эти раздоры препятствовали правильному течению дѣлъ въ бретонскихъ штатахъ, почти вездѣ стало замѣчаться неожиданное сближеніе всѣхъ

трехъ сословій, вызванное общими интересами и давленіемъ общественнаго мнѣнія. Дворъ, опираясь на высшее духовенство и нѣкоторыхъ членовъ парламента, испугавшихся созыва генеральныхъ штатовъ, котораго они сами требовали, съ принципами королевской крови во главѣ, — рѣшилъ грести противъ общаго теченія и отстаивать старый порядокъ вещей. Но въ рядахъ этой партіи было немало людей, которые, блистая при дворѣ и «не отказываясь отъ милостей монарха, не прочь были пойти на уступки общественному мнѣнію и въ своихъ салонахъ воздать должное чувству независимости и мужеству свободы». Слово «*аристократъ*» сохраняло значеніе чего-то противоположнаго и враждебнаго абсолютной монархіи вплоть до конца апрѣля, когда распространился слухъ, что второе сословіе подкуплено правительствомъ *).

Въ 1792 году Мунье напоминалъ привилегированнымъ классамъ, что они первые воспротивились волѣ государя и подняли знамя возстанія, которое въ послѣдствіи проклинали и не хотѣли признать своимъ дѣломъ. Всѣ сколько-нибудь искренніе и серьезные современники удостовѣряютъ, что «совокупныя усилія всѣхъ классовъ гражданъ были направлены въ пользу переворота въ образѣ правленія».

Финансы. Къ концу апрѣля 1789 года въ государственномъ казначействѣ было на лицо 58 милліоновъ. Обязательные расходы среднимъ числомъ требовали 530 милліоновъ въ годъ, доходовъ-же поступало только 475 милліоновъ. Неккеръ предвидѣлъ, что къ концу года вмѣсто 60-милліоннаго дефицита не хватитъ цѣлыхъ 90 милліоновъ. Эти цифры говорили-бы очень мало даже въ томъ случаѣ, если-бы мы приняли во вниманіе разницу между тогдашней и современной цѣнностью денегъ. Чтобы вполне понять, въ какомъ безысходномъ положеніи находила състарая монархія, нужно сосредоточить вниманіе не на балансѣ, а на способѣ взиманія податей и распредѣленіи доходовъ.

*) Тѣмъ не менѣе только черезъ шесть недѣль это слово окончательно измѣнило свое значеніе. Еще 6-го іюня въ адресѣ къ Людовику XVI Байльн говорилъ о «естественномъ союзѣ между трономъ и народомъ противъ аристократіи, власть которой несовмѣстима съ королевскимъ авторитетомъ».

«Аристократія бретонскихъ штатовъ разжигала отвращеніе моего отца ко двору». Это замѣчаніе Шатобрлана очень характерно для настроенія дворянства передъ революціей.

Можно недовѣрять Калонну, когда онъ говоритъ, что со времени его выхода въ отставку государственный долгъ, равнявшійся въ началѣ 1787 года тремъ милліардамъ, втеченіе 2 лѣтъ возросъ на 247 милліоновъ; что обязательства казны перестали исполняться съ августа 1788 года *), что безчестныя увертки правительства и неизлечимыя язвы финансовой системы подорвали его кредитъ. Но нельзя сомнѣваться, когда неопровержимыя данныя свидѣлствуютъ, что «долги росли безъ конца», что «они шли на безразсудныя траты», что «достаточно было простого распоряженія министра или уполномоченнаго имъ чиновника, чтобы мѣстныя власти ввели новый налогъ и, произвольно разложивъ его между частями населенія, взыскивали его со всей возможной строгостью; все болѣе и болѣе увеличивая податное бремя, чиновники перѣдко ссылались кромѣ того на несуществующія постановленія Совѣта, причемъ лишь ненасытная жадность финансистовъ могла сравниться съ своекорыстіемъ мелкихъ служащихъ». — «Слѣдуетъ признать горькую истину, говоритъ дворянство Альбра, что упадокъ цѣлой страны, разореніе земледѣльца, бѣдственное положеніе собственника являются неизбѣжнымъ слѣдствіемъ фискальныхъ порядковъ, что помощниками у комиссара, распредѣляющаго налоги, служатъ личности съ замаранной репутаціей, что въ этомъ худшемъ изъ всѣхъ вѣдомствъ на каждомъ шагу мы натываемся на вопіющую несправедливость и возмутительнѣйшія притѣсненія». Мунье, сдержанность котораго извѣстна, утверждалъ, что старое фискальное управленіе было «во сто кратъ тиранничѣе всякаго другого».

Площади податныхъ округовъ были опредѣлены такъ неточно, что, напр., по отношенію къ провинціи Лиможъ подсчетъ Неккера отличался отъ вывода межевого инженера, которому было дано официальное порученіе составить карту Лимузена, на 115 кв. лье, т. е. на одну седьмую всего пространства. Введеніе налоговъ было дѣломъ случая, расположенія къ однимъ и недоброжелательства — къ другимъ. Всѣ три сословія Лиможа жаловались, что налоги, поглощающіе у нихъ половину доходовъ,

сводятся къ одной четверти прибылей въ Сентонжѣ. Считалось, что взиманіе двадцатой части дохода ложится на различные части населенія равномѣрно, чѣмъ другіе способы обложенія. Однако Артуръ Юнгъ находилъ основанія для раскладки этой подати вполне произвольными: «съ тѣмъ-же успѣхомъ можно было опредѣлять доходъ каждаго плательщика по звѣздамъ». Онъ не придавалъ никакого значенія административной оцѣнкѣ земель. Умысленно ложныя показанія заинтересованныхъ лицъ, невольныя ошибки при опредѣленіи стоимости имущества, фиктивные договоры, придирки къ бѣднякамъ и потачки крупнымъ землевладѣльцамъ со стороны чиновниковъ — все это вмѣстѣ взятое отягчало данный налогъ для однихъ и сводило его къ нулю для другихъ. Во многихъ мѣстностяхъ бывали страшныя злоупотребленія при межеваніи. Окладныя книги были составлены такъ неудовлетворительно, что «несчастный», на долю котораго выпадало взысканіе податей, не зналъ даже именъ всѣхъ плательщиковъ.

Путаясь въ лабиринтъ городовъ *franches* (свободныхъ) и *abonnées* (обязанныхъ), провинцій *en régie* (акционныхъ) и странъ *redimés* (выкупившихся), «нельзя было ступить ни шагу, чтобы не наткнуться на какую-нибудь чисто-варварскую безсмыслицу» (Калоннъ). Въ одномъ и томъ-же генералитѣ налоги не были одинаковы для различныхъ частей. Такъ, во всемъ генералитѣ Э, кромѣ сенешальства Арль, существовалъ низкій соляной налогъ, въ Арль — высокій (*petite et grande gabelle*); въ генералитѣ Алансонъ, кромѣ округа Донфронъ, — высокій, то же самое въ Амьенѣ, за исключеніемъ Калези, Ардрези и Булоннэ. Нѣкоторые приходы въ окрестностяхъ Оксерра отчасти принадлежали къ парижскому генералитѣ, не пользовавшемуся самоуправленіемъ, отчасти-же — къ Бургундіи, въ которой собирались провинціальныя штаты. По правую сторону отъ ручья или дороги платили акцизъ (*aides*), а по лѣвую — нѣтъ. Благодаря этому, всѣ мѣстные жители устраивали винныя погреба на льготномъ пространствѣ, что было «неисчерпаемымъ источникомъ судебной волокиты и раздоровъ».

Нѣкоторыя распоряженія поражали своей безсмысленностью даже тѣхъ, которыхъ никакъ нельзя было заподозрить въ либерализмъ. Отца семейства зачастую обязывали

*) Съ этого времени были приостановлены платежи по займамъ.

вали покупать столько соли, что ее некуда было дѣть. Зато въ другихъ мѣстностяхъ, а именно на пространствахъ 5 лье въ Оверни, 2 лье въ Бретани и 3-хъ въ Артуа можно было покупать не больше 14 ливровъ соли на наличную душу, а это количество, «какъ всѣмъ было извѣстно, далеко не удовлетворило существовавшей потребности».

Взиманіе податей и налоговъ было сопряжено со всевозможными затрудненіями. Не включая дѣлъ, прекращавшихся по тайному соглашенію съ обвинителемъ или властями, каждый годъ разбиралось около четырехъ тысячъ процессовъ о нарушеніяхъ соляного налога (*gabelle*), 400 — 500 изъ нихъ влекли за собою ссылку на поселеніе или каторгу. Кромѣ бѣдности, препятствовавшей уплачивать обременительные налоги, и всевозможныхъ плутней, были еще особыя обстоятельства, мѣшавшія исправному поступленію доходовъ въ государственныя казначейства. Въ Нормандіи палата акцизовъ (*cour des aides*) тормазила взиманіе тайли (*taille*, полу-личный, полупоместный налогъ) изъ недоброжелательства къ мѣстной администраціи.

Что касается расходовъ, то о распредѣленіи ихъ сообщались лишь «смѣхотворныя свѣдѣнія». — «Отчетъ всякаго администратора, говоритъ Малуэ, долженъ заключать въ себѣ два главныхъ пункта: 1) точное указаніе суммъ, предназначенныхъ на каждую статью расходовъ, съ приложеніемъ оправдательныхъ документовъ объ ихъ употребленіи, 2) обстоятельную мотивировку всѣхъ чрезвычайныхъ расходовъ. Но подобной отчетности во Франціи не существуетъ. Такимъ образомъ нація, обремененная долгомъ въ четыре миллиарда, не имѣла возможности привлечь къ ответственности ни одного администратора и счетовода, хотя для всѣхъ было очевидно, что долги не могли возрасти до такой колоссальной цифры безъ злостныхъ растратъ и хищеній». Правда, палата счетовъ (*cour des comptes*) отдавала отчетъ, но толку отъ этого было мало. Предсѣдатель палаты акцизовъ могъ, сколько угодно, говорить объ «отчетахъ о состояніи наличныхъ суммъ», — какъ о гибельномъ злоупотребленіи; — власть имущіе не обращали на его слова никакого вниманія и безъ всякаго стѣсненія брали изъ нихъ «столько, сколько хотѣли, и на то, чего хотѣли»; приблизительно-

но пятая часть доходовъ, по меньшей мѣрѣ, а въ 1783 году даже болѣе четверти, дѣвалась неизвѣстно куда, и никому не приходило въ голову такъ или иначе выяснить ея исчезновеніе. Впрочемъ и остальные расходы въ дѣйствительности имѣли мало общаго съ тѣми объемистыми томами обстоятельныхъ отчетовъ, которые давались объ ихъ распредѣленіи. Члены конституанты, въ руки которыхъ попала эта безпорядочная груда неудобопонятнаго матеріала, должны были отказаться отъ надежды извлечь изъ него что-нибудь путное. Дюбуа-Крансэ, которому, какъ члену комитета финансовъ, было поручено разобратся въ расходахъ военного департамента, говоритъ, что «всѣ его старанія найти руководящую нить въ этомъ лабиринтѣ оказались тщетными».

«Большая часть коронныхъ имуществъ была пущена на вѣтеръ: этому способствовали и время, и безпорядки, и злоупотребленія, и измѣнчивость законодательства». Лѣса въ большинствѣ случаевъ оказывались въ самомъ жалкомъ состояніи. Въ нѣкоторыхъ дачахъ были вырублены почти всѣ строевыя деревья, въ другихъ-же виднѣлись одни пни. Громадныя пространства, нѣкогда покрытыя лѣсами, представляли изъ себя невоздѣланныя пустоши. Наконецъ, нерѣдко чиновники вѣдомства государственныхъ имуществъ отъ своего собственного имени отдавали самыя земли въ аренду мѣстнымъ крестьянамъ; право пахаря было основано на простомъ злоупотребленіи.

Суды. Всѣхъ парламентовъ было тринадцать. Территоріи ихъ не были даже приблизительно равны между собою. Нѣкоторыя изъ нихъ были совершенно ничтожны, напр. области парламентовъ Меца, По и Дижона; въ сферу послѣдняго не входили даже графства Маконъ и Оксерръ. Напротивъ, другія были громадны. Такъ, подъ вѣдѣніемъ парижскаго парламента находилась почти треть всего королевства. Его территорія включала въ себя побережья оксана и Соны, а на Сѣверѣ доходила до Дюнкирхена. Жители Треву жаловались, что ближайшій судъ былъ отъ нихъ въ 40 лье.

Границы отдѣльныхъ округовъ не были установлены вполне точно. Такая неопредѣленность порождала въ бургундскихъ бальяжахъ постоянныя пререканія о подсудности, чрезвычайно тягостныя для на-

селенія; округъ Бовуази представлялъ изъ себя какое-то череполозное владѣніе: нѣкоторыя изъ его частей находились вблизи сосѣднихъ городовъ Амьена и Гурне, вмѣстѣ съ тѣмъ въ центрѣ его были земли, изыятія изъ его состава. Изъ всего этого происходили «невозможность указать подсудность, вѣчные споры, волокита, безнаказанность тяжкихъ преступленій». Если границы и были вполнѣ точны, то ихъ линіи нерѣдко дробили естественныя области на нѣсколько частей, причисленныхъ къ болѣе или менѣе отдаленнымъ центрамъ, вызывая со стороны населенія просьбы объ «образованіи новыхъ районовъ съ тѣмъ расчетомъ, чтобы одна и та-же мѣстность ни въ коемъ случаѣ не была подвѣдомственна двумъ различнымъ судамъ». Нѣкоторые приходы въ Монтэгу (въ Комбрайлѣ) были подѣлены такъ, что каждый изъ нихъ заключалъ въ себѣ частицы трехъ судебныхъ округовъ. Это «являлось неисчерпаемымъ источникомъ для кляузъ со стороны недобросовѣстныхъ».

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, лишь пройдя пять или шесть инстанцій, дѣло поступало въ королевскій судъ, на рѣшеніе котораго можно было апеллировать въ «президіаль» или парламентъ.

Судопроизводство на каждомъ шагѣ тормазилось королевскими приказами объ отсрочкахъ или пересмотрѣ даннаго дѣла, т. е. *committimus* (чрезвычайными изытѣіями изъ нормальной подсудности), всяческими исключеніями и привилегіями, а также столкновеніями между королевскою властью и магистратурой. «Теченіе судебныхъ дѣлъ не должно быть прерываемо ни въ коемъ случаѣ и ни подъ какимъ предлогомъ» — таково желаніе, неоднократно высказывавшееся во всѣхъ частяхъ Франціи въ XVIII вѣкѣ и приобрѣвшее особенную ягучесть и силу со времени событій 1788 года.

Если-бы когда-нибудь удалось воспроизвести во всѣхъ деталяхъ раздробленность старой Франціи, происшедшую изъ различія по источнику дѣйствовавшаго права, получилась-бы еще болѣе сложная и путаная картина, чѣмъ при описаніи учрежденій того времени: карту Франціи пришлось-бы испещрить неисчислимымъ множествомъ мелкихъ переплетающихся участковъ. Область писанаго права не представляла изъ себя чего-то сплошнаго и

цѣлаго, оно дѣйствовало въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, расположенныхъ въ центрѣ территоріи права *обычнаго*, и наоборотъ: обычаи, кутюмы примѣнялись въ центральныхъ частяхъ той сферы, въ которой источникомъ права признавался законъ. Говоря вообще, можно утверждать съ нѣкоторымъ основаніемъ, что законы римскаго происхожденія дѣйствовали на югѣ, а сто двадцать восемь различныхъ кутюмовъ (сводовъ мѣстныхъ обычаевъ) на сѣверѣ, но такое разграниченіе годно лишь для самаго поверхностнаго изученія занимающаго насъ вопроса. Въ округѣ парламента Бордо были мѣстности съ особыми кутюмами. Наибольшая путаница чувствовалась въ центрѣ королевства. Дворянство Шалона на Сонѣ никакъ не могло доискаться границы, отдѣлившей въ предѣлахъ его бальяжа сферу писанаго права отъ бургундской кутюмы. Въ округѣ парижскаго парламента, насчитывавшаго у себя до шестидесяти главныхъ кутюмовъ, были земли, принадлежавшія къ Ліоннѣ, Маконнѣ и Форецу, въ которыхъ удержалось римское право. Безансонскій парламентъ примѣнялъ и то, и другое право, которыя существовали въ его округѣ наряду другъ съ другомъ. Въ округѣ верховнаго суда Нанси феодальные порядки опредѣлялись законами германскаго происхожденія. Да и само писаное право не было одинаково во всѣхъ частяхъ Франціи: въ Провансѣ римскіе законы были видоизмѣнены статутами древнихъ графовъ и специальными ордонасами (повелѣніями).

Мерленъ отказывался понять, что должно было происходить въ головѣ челоуѣка, который по одну сторону ручья признавался наслѣдникомъ, а по другую сторону — не имѣющимъ никакого права на остальные части того-же самаго имѣнія. Не всегда нужно было переправиться черезъ рѣчку или перейти гору, чтобы попасть изъ области дѣйствія однихъ законовъ въ сферу другихъ. Даже въ такихъ крошечныхъ провинціяхъ, которыя въ настоящее время едва извѣстны по названію и могутъ быть указаны только учеными, населеніе зачастую управлялось отчасти писанымъ, отчасти обычнымъ правомъ. Жители мѣстности Суль говорили, что они «составляютъ одно цѣлое, благодаря единству управленія, языка и нравовъ; между тѣмъ не только отдѣльныя общины, но даже нерѣдко два сосѣд-

нихъ дома судятся по различнымъ законамъ».

Несмотря на кое-какія улучшения, произведенныя въ 1780 и 1788 гг., уголовное право попрежнему носило свой «безсмысленно жестокий и дикій характеръ». пытка, производившаяся во время предварительнаго слѣдствія съ цѣлью вырвать признаніе у обвиняемаго, (*question préparatoire*), была уничтожена, а та, которая пускалась въ ходъ уже послѣ суда для опредѣленія всѣхъ участниковъ преступленія (*question préalable*) временно приостановлена *). Признавъ, что она скорѣе можетъ сбить судей съ толку и «погубить невиннаго», чѣмъ пролить новый свѣтъ на дѣло, правительство тѣмъ не менѣе не отказалось окончательно отъ ея употребленія.

Оставались въ силѣ: безправственныя *увѣщанія*, противъ которыхъ энергично возставало духовенство, бесполезное и вмѣстѣ съ тѣмъ жестокое отягченіе наказаній (колесованіе, кнутъ, клеймленіе), примѣненіе смертной казни къ проступкамъ вродѣ простой кражи, конфискація, безчестье, налагавшееся на всю семью осужденнаго, неравенство наказаній для низшихъ и высшихъ, безчеловѣчное обращеніе съ заключенными.

Земледѣліе: мелкая собственность и феодальныя права. Значительная часть территоріи королевства оставалась не воздѣланной. Чуть не треть всѣхъ земель, годныхъ для обработки, была покрыта песками и верескомъ. Говорили, что половина западныхъ провинцій находится въ запустѣніи. Одно виноградарство было поставлено хорошо. Боясь новыхъ налоговъ, крестьяне не вводили необходимыхъ усовершенствованій, содержали все меньше и меньше скота, вели крайне жалкое хозяйство. Свѣдущіе агрономы, знакомые съ хозяйственной жизнью старой Франціи, утверждали, что ежегодный доходъ отъ всѣхъ полей Франціи относился къ урожаю Англій, какъ 3 къ 8.

Правительство сознавало настоятельную необходимость предпринять какія-нибудь мѣры съ цѣлью поддержать падающее земле-

дѣліе: съ нѣкотораго времени былъ учрежденъ сельскохозяйственный совѣтъ, но онъ не разсмотрѣлъ ни одного вопроса, касавшагося его главной задачи и даже не избралъ изъ своей среды человѣка, на котораго былъ-бы возложенъ пріемъ, подготовка къ слушанію и докладъ поступающихъ дѣлъ.

Мы сознаемъ всю невозможность привести сколько-нибудь достовѣрныя статистическія данныя; тѣмъ не менѣе считаемъ нужнымъ коснуться вопроса, который давно уже привлекаетъ къ себѣ общее вниманіе, но до сихъ поръ не былъ формулированъ и поставленъ вполне правильно. Какъ великъ былъ классъ мелкихъ собственниковъ? Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, склонны были уменьшать ихъ численность. Въ настоящее время мы видимъ какъ разъ обратное: не имѣя подъ руками вѣскихъ данныхъ, ученые утверждаютъ, что выводы ихъ предшественниковъ противорѣчатъ истинѣ и что въ старой Франціи было очень много крестьянъ-собственниковъ. Само собою разумѣется, что мы не можемъ придавать рѣшающаго значенія произвольной цифрѣ 450.000, которой Лавуазье опредѣлялъ ихъ численность. Точно также голословныя заявленія вродѣ фразы Таржэ, будто «собственность распределена между немногими», не внушаютъ намъ ни малѣйшаго довѣрія и не могутъ служить сколько-нибудь прочнымъ основаніемъ для научныхъ выводовъ. Но въ нашемъ распоряженіи имѣются документы, идущіе изъ глухихъ деревень и дѣлающіе совершенно излишними ссылки на всѣ иные источники. «При послѣдней раскладкѣ общественныхъ сборовъ, всѣ тѣ, кто не могъ вполне точно опредѣлить свое положеніе, были зачислены въ классъ собственниковъ или держателей, хотя добрая половина ихъ уже была обезземелена. Эта ошибка такъ и осталась неисправленной, несмотря на множество жалобъ». Можно-ли вѣрить окладнымъ книгамъ, въ которыхъ «грубые промахи встрѣчались тѣмъ чаще, что они составлялись людьми, не знавшими ни отдѣльныхъ лицъ, ни имуществъ, ни цѣлыхъ селеній и группъ, между которыми раскладывались подати?»

Допустивъ даже, что число собственниковъ было очень значительно, мы должны коснуться наиболѣе важной стороны занимающаго насъ вопроса: какъ велика была

*) Последнее, впрочемъ, не вполне достовѣрно. Выраженія въ которыхъ была написана декларация 23 сентября 1788 года, а также множество пожеланій, высказанныхъ по этому поводу въ наказахъ, позволяютъ думать, что эта мѣра осталась на бумагѣ.